

Маргарита
Берг

Кадры
сгоревшей
пленки

Бессвязный набор текстов

Маргарита Берг

**Кадры сгоревшей пленки.
Бессвязный набор текстов**

«Издательские решения»

Берг М.

Кадры сгоревшей пленки. Бессвязный набор текстов / М. Берг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839172-9

Сборник, который было трудно собрать. Возможно, связь между текстами существует только в воображении автора. Но тут уж ничего не поделаешь. От реальности к фантастике, из прошлого в будущее, от рождения к смерти.

ISBN 978-5-44-839172-9

© Берг М.
© Издательские решения

Содержание

Главные действующие лица	6
Примечание о примечаниях	7
Во-первых	8
Алия: кадры сгоревшей пленки	9
Неумелые ангелы	15
Травы и призраки местечка При	20
Селедка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кадры сгоревшей пленки Бессвязный набор текстов

Маргарита Берг

© Маргарита Берг, 2017

ISBN 978-5-4483-9172-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Главные действующие лица

Я, Рита – лирический герой автора книги

Толик и Женечка – папа и мама лирического героя

Ольга Борисовна (Оличка, Элька) и Самуил Соломонович (Муля) – родители Толика, бабушка и дедушка лирического героя со стороны папы.

Бабушка Това (Татьяна) и дедушка Хаим (Ефим Борисович, Фима) – родители Женечки, бабушка и дедушка лирического героя со стороны мамы.

Гуня, Алиса – старшая дочь лирического героя

Гоша, Марго – младшая дочь лирического героя

Леня, Леонид – муж лирического героя, отец Гоши

Даня – бывший муж лирического героя, отец Гуни

Профессор, Мишка, Эм – бывший возлюбленный лирического героя, в промежутке между мужьями

Лилах, Лиличка – подруга Гуни

Примечание о примечаниях

Примечания в книге рассчитаны на очень разных читателей сложившегося круга: израильтян, россиян, американцев, европейцев, и так далее; пожилых, которые помнят реалии Советского Союза, и совсем молодых, для части которых даже русский язык не вполне родной, зато хорошо знакомы израильские реалии. Поэтому любому читателю многие примечания будут казаться совершенно лишними. Прошу поверить автору: это не так. То, что кажется вам лишним, просто адресовано не вам.

Во-первых

Б-г не мельник, чьи мельницы как-то там мелют, и не пряжа, типа мойр¹. Б-г, вероятно, дворник.

По земле гуляют метлы. Огромная метла подхватывает целый слой песчинок и замечает в какой-то новый, неожиданный угол. Некоторые, увы, в костер. А выжившие обнаруживают себя – вместе с кучей других таких же песчинок, – кто в эвакуации, кто в репатриации, кто в парижках, кто на солонках, кто по одну сторону линии любого «фронта», кто по другую...

И не знаем мы, на чем столе горит свеча, и что там тени показывают, каких-таких судеб скрещенья...² Это там, у господ. А мы не बारे, мы тут цепляемся друг за друга под очередной метлой. Чтобы хотя бы с любимыми по разным углам не разнесло.

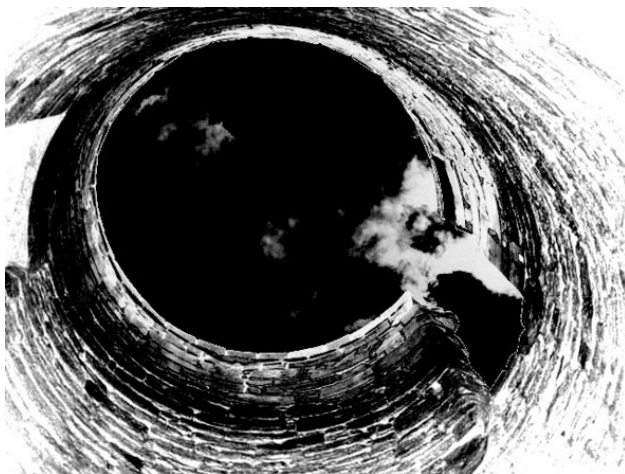
Метет-метет по всей земле. Ударник хренов.

---

¹ Три сестры, богини судьбы у древних греков. Старшая их них, Клото, прядет нить жизни.

² Отсылка к стихотворению Б. Пастернака «Свеча»

Алия: кадры сгоревшей пленки

Все пишут про алию³. Как ехали-уезжали-приезжали. Мне даже завидно. Я про этот период жизни связный рассказ составить не в состоянии. Память не сохранила: нервная система самозащищается. Обрывки одни... Словно снимали «на кино». А пленка-то и погорела. И вот среди пепла попадаются случайные негорелые кадрики, из которых ничего целого сложить уже нельзя... И я брожу среди них, как старый Адсон по холодному пожарищу Библиотеки⁴, по пожарищу молодости нашей...

...Было мне тогда двадцать четыре года, пусть тот, кто скажет, что это не молодость, первый бросит в меня камень. Мужу моему первому, Даньке, вот-вот должно было исполниться тридцать, Гуньке в день нашего приезда в Москву стало семь месяцев от роду.

...В Москву потому, что улетали мы из Москвы. Кажется, пулковская таможня считалась слишком зловещей. А может, по каким-то другим причинам. Не помню я. Я вообще прощания с Питером не помню. Стишок об этом остался в тетрадке, больше ничего:

...Рядом с сердцем моим спит
Онемевший в снегах град.
Торопи меня, торопи.
Нам пора давно, нам пора.

Осторожно прикрой дверь,
Покидая седой мир.
Говорят же: семь раз отмерь.
Говорю я: семь раз пойми.

Этот град, умерший на вид,
Калачом свернувшись в груди,
Рядом с сердцем моим спит.

---

³ Алия (иврит) – буквально: «подъем» – репатриация евреев диаспоры в Израиль.

⁴ Отсылка к роману Умберто Эко «Имя розы»

Тише, сердце: не разбуди.

...Это было в снежном январе девяностого. Мама перешла мою старую шубу в конверт для Гуньки. Одна из дорожных сумок разорвалась в такси по шву на всю длину... Мама зашивала дыру в аэропорту. Это ее отвлекло и она не плакала. У родителей сохранялась идея, что мы расстанемся чуть ли не навсегда.

...Мы летели «Малевом»⁵. В первом самолете было очень трудно с Гуней: она ела на взлете и какала на посадке. Было невероятно тесно, никаких люлек, все на руках, включая ребенка и девять сумок ручной клади. Мы с трудом отбили эти сумки от багажа. В них было креслице, игрушки, детская еда и сменные штаны с пеленками. О памперсах мы тогда только слышали.

...В Будапеште, в обыкновенном аэропортовском зале с минимумом кресел и сомнительным туалетом сбоку мы просидели без еды и горячей воды семнадцать часов. Тогда у меня не возникло ассоциации с заложниками, а сейчас обязательно возникла бы. Гунино белье стирали в раковине в женском туалете. На пластиковой офисной перегородке штаны сохли. Кресла были соединены в цепочки по четыре, такие типичные скамейки для общественных учреждений. Мы составляли две скамейки «лицом к лицу», получались четыре лунки. В них напихивались шубы, и трое грудничков нашего рейса, включая Гуню, спали в этих импровизированных люльках.

...Когда ситуация с детской едой стала критической, Данька ушел куда-то и добыл большую бутылку кипятку. У меня была растворимая чешская каша, и все дети поели. Помню, как Гунька сидела в своем зеленом креслице, сытая, немного удивленная, но в целом довольная, с оранжевым жирафом в руке.

...Запомнила двоих мужчинок, летевших нашим рейсом, которые выбрали себе место покурить непосредственно рядом с детскими люльками. Интеллигентный Данька подошел и попросил сменить место. Тогда один из мужчинок с удовольствием послал его подальше с текстом:

– Я не для того уехал из совка, чтобы мне на свободе указывали, что и как мне делать.

– По-онял, – сказал Данька, и пошел к родителям остальных двоих детей. Это была одна большая бухарская семья. Папы там решали исключительно вопросы внешней политики, и несколько отвлеклись. Я успела услышать глуховатое ворчание, один из пап даже встал с места, засучивая рукав. Росту в нем было метра два. Второй папа встать не успел. Проблема куда-то рассосалась вместе с участниками.

...Когда нас сажали в самолет в Москве, я тщательно одевала Гуньку, а оказалось, что нас провели через вход- «трубу», и мы почти не ощутили холода. Почему-то я решила, что во второй самолет нас будут сажать точно так же. Интересное было, наверное, у меня выражение лица, когда толпа двинулась к дверям, и я поняла, что сейчас нас с полуодетым ребенком вынесет к автобусу на пятнадцатиградусный мороз.

– Данька! – крикнула я, – сумки держи – все!!!

И далее в течение двадцати секунд, на весу, на ходу, одела семимесячного ребенка во все его шкурки и слои, включая меховой конверт.

Этим будапештским подвигом я горжусь по сей день.

---

⁵ Флагманская авиакомпания Венгрии с 1956 по 2012 годы.

...Во втором самолете Гуньке дали подвесную люльку, и она мирно возилась там с жирафом, иногда недоуменно трогая ногой потолок. Я спала, переваривая первую еду после будапештской голодовки. Мне было хорошо.

...Когда самолет приземлился, мы увидели серое бетонное поле под серым низким небом и пару пальм невдалеке. Данька шел по трапу впереди меня, таща весь комплект сумок.

Мы уже почти развелись тогда. Нашему браку оставалось меньше года жизни. Мы это понимали. Мы относились к репатриации, как к предпоследнему совместному проекту (как к последнему мы относились к самому разводу). Отношения были... кто разводился, знает. Но вот тогда, четырнадцатого января девяностого, Данька шел по трапу вниз чуть впереди меня. На последней ступеньке он остановился, повернулся и сказал:

– Иди. Мы должны ступить на землю вместе.

...Гунька ела в такси по дороге в Хайфу, и измазала таксисту весь салон, потому что я все время отвлекалась на пальмы, море, бананы, растущие в синих мешках. С тех пор я много сотен раз ездила по второму шоссе из Тель-Авива в Хайфу. И каждый раз вспоминаю, как ехала впервые.

...В Хайфе, в какой-то крохотной лавочке, мы первым делом купили памперсы. Это было сильнейшее потрясение в моей мамской биографии. На некоторое время я перестала понимать, зачем вообще ребенку мать, если на него надеты памперсы.

...Первые два дня – у чьей-то тетки – мы с Гуней проспали. В окно было видно море с красным закатом. В нашей новой квартире по ночам гудел ветер. Чемодан со свитерами потерялся. Хорошо, что гунин чемодан доехал. В квартире было две сохнутувские кровати, детская кроватка и пять чемоданов. Ребенок ползал по дому в голубенькой такой шапке.

...Но это продолжалось недолго, мы быстро обжились, купили плиту и холодильник, нам надарили игрушек, этажерок, стульев, даже подарили диван. А через два месяца и вовсе приехал багаж с книгами, посудой и мягкой мебелью. В солнечные дни Гунька гуляла в одолженной коляске, завернутая в ватное одеяло с пододеяльником. Местные смотрели на меня с испугом.

...Из нашего парка были видны военные корабли в Хайфском заливе. Однажды днем, пока Гунька спала, я наблюдала папу с мальчуганом лет двух-трех. Деть катался с горки, иногда отбегал далеко, и тогда отец звал его по имени:

– Ха-а-им! Хаим!!!...

Тогда я в первый раз осознала, где я нахожусь.

...Серебряные квадратные субару казались невероятной роскошью. Других машин в Израиле почти не было.

...Местный лавочник нагрел меня на десять шекелей. Помнит ли, интересно, кто-нибудь эти рыжие бумажные десять шекелей с портретом Голды Меир?⁶

---

⁶ Израильская купюра достоинством в 10 новых шекелей находилась в обращении до 2000 года. Заменена монетой.

...Каждый день около полуночи над нами распахивалось окно и хриплый голос с неповторимым марокканским прононсом взывал на весь Шпринцак⁷:

– Ууууу-рхрхрхрии!!!! Ууууу-рхрхрхрии!!!! *Лех абайта* кебенимат!!!!⁸

Мы вздрагивали непроизвольно.

...Первый личный визит в задрипанный местный супер закончился моим обмороком. Я приехала из России восемьдесят девятого года, с очередями и синими когтистыми курами на пустых прилавках. В местном супер на меня бросился Цвет. Море цветных упаковок с надписями на незнакомом языке... После десяти минут напряженного всматривания цветные пятна закружились у меня перед глазами.

...Ребенок поглощал клубничные йогурты. Через неделю после приезда Данька вернулся из супера и сказал:

– Клубничных йогуртов не было.

– Как это «не было»?! – несказанно возмутилась я.

...Первый обед я испортила. Оказалось, что соль в Земле Обетованной в два раза солонее, чем в Питере.

...Проезжая на автобусе по улицам, я почему-то все время цеплялась глазами за сумочные лавки. Их распирало сумками, как разросшимся виноградом. Сумки торчали, нависали, спели на ветвях, казалось, даже падали, перезрев. «Кому и зачем может понадобиться столько сумок???!» – думала я.

...Я до сих пор нетвердо знаю, где в Хайфе Министерство Абсорбции⁹. Данька всего один раз дотащил меня до банка что-то подписать. Так же как в совке уезжал Данька, в Израиль приезжал тоже Данька, без ансамбля, сам, бля... Тогда я еще не ценила этого по достоинству.

...Гуньку взвесили в детской консультации и нашли худенькой.

– *Титни ла дайса, дайса, ат мевина?! –* сказали мне. – *Атем берусия йодим бихляль, ма зе дайса?!¹⁰*

...Возле нашего карточного подъезда росли огромные кактусы. Возле гуниного сада, спасаясь от ливней под входным козырьком, весь январь цвела огромная чайная роза.

...Восьмимесячную Гуньку отдали в сад. Мы только-только перестали окунать в кипяток упавшую соску, когда ребенка принесли в затоптанную мокрыми уличными подошвами комнату, где она была самой младшей из двадцати детей, большая часть детей уже ходила. Моего ребенка тут же положили ничком на пол, и на ее немедленно кто-то наступил. Данька выволакивал полубморочную меня из группы под гунькин сердитый рев.

...В ту зиму Хайфу мучили жестокие дожди, словно ведро опрокидывали в небесах. Бывало, когда я везла Гуньку в сад, коляску заливало по сиденье. Я надевала на ребенка два

---

⁷ Кирьят Шпринцак – западный район Хайфы. В начале 90-х – место расселения многих новых репатриантов в дешевых съемных квартирах.

⁸ «Ури, иди домой!» – и далее русская обценная лексика.

⁹ Правительственное ведомство, отвечающее за реализацию государственной политики в области иммиграции и репатриации в Израиль.

¹⁰ – Давай ей, кашу, кашу, понимаешь? Вы вообще в России знаете, что такое каша?! (иврит)

полиэтиленовых мешка: один снизу, второй сверху на голову, внахлест. В эту воздушную щель иногда можно было видеть деткины круглые, слегка испуганные глазенки.

...Несмотря на мои опасения, Гунька в саду очень привыкла и обжилась. Она отлично ела, с удовольствием играла, еще не умея ходить, азартно вмешивалась во все потасовки, хотя сама их не затевала, и вполне могла постоять за себя. Воспитатели ее обожали: мало того, что она была младенцем совершенно ангельского вида, – она была еще и самой маленькой. В обожании своем они слишком доверялись ангельской внешности, а потом обиженно жаловались на дитя, когда оно то бывало поймано при попытке облизать изнутри унитаза, то исхитрилось заползти в гардероб и уронить на себя абсолютно все воспитательские пальто.

...Нашу учительницу в ульпане звали Варда¹¹. Она была очень красивая, и не знала сказки про красную шапочку. Когда мы ей сказали, что в нашем родном городе проживает пять миллионов населения, она удивилась:

– Неужели есть города больше Тель-Авива?

...Все отправляли вызовы родным. Началась кампания за чистоту рядов. Перестали принимать вызовы для лиц с русскими фамилиями. Русскими фамилиями считались все на *-ин* и *-ов*, например, «Малкин» или «Шубов». Требовали свидетельство о рождении с указанием национальности. У наших родителей, в свидетельстве о рождении тех лет, не стояло никакой национальности: не было такой графы. У моего папы фамилия на *-ов*. Кажется, я первая придумала этот трюк: я приложила к вызову не родительское, а свое собственное свидетельство о рождении, где оба родителя черным по белому были прописаны евреями.

...В компании *ватиков*¹² нашего возраста как-то зашел разговор про ливанскую войну¹³. Двое парней заспорили.

– Смотри, – сказал один, – я это сам видел, я воевал в Ливане.

– Ну, и я воевал в Ливане, – сказал второй.

Один оказался: морской пехотинец. Второй: воздушный десантник. Они быстро нашли общих знакомых, согласились на чем-то, и начали рассказывать анекдоты. Анекдоты были местные, несмешные.

...Питу со швармой и чипсами за пять шекелей я впервые попробовала возле хайфского «Эгеда»¹⁴. Первая мысль: «Здесь должны девальвироваться чувства. Нельзя, невозможно, чтобы самая вкусная вещь на свете продавалась на каждом углу за пять шекелей».

...Теплело и росла Гунька. Мы с Данькой иногда мирились, а чаще было плохо и одиноко. Вечерами, после ссоры, некому было позвонить во всей стране. Но однажды, летним вечером, я шла вдоль приморского шоссе, одинокая и в слезах. Внезапно налетел порыв теплого ветра, нежного, пахнущего цветами... Я раскинула руки и нырнула в ветер, в дыхание земли. Я узнала эту землю, долину роз, о которой грезилось, о которой еще в Снегиревском роддоме¹⁵, держа на руках спящую новорожденную Гуньку, я напевала ей наивные восторженные стихи:

---

¹¹ роза (иврит)

¹² старожилы (иврит)

¹³ Имеется в виду Первая Ливанская война 1982 года. Описываемый разговор происходит примерно восемь лет спустя, участникам разговора под тридцать.

¹⁴ «Эгед» – крупнейшая израильская автобусная компания. В Хайфе здание компании находится возле центральной автобусной станции.

¹⁵ Старейшее родовспомогательное учреждение России, находится в центре Санкт-Петербурга

Малыш! С тех пор, как я тебя увидел,
Умею я летать. Иди ко мне,
Я унесу тебя крылатым небом
В прекрасную далекую страну.
Ты вырастешь, малыш, в долине роз.
И даже сном твоим не будет этот
Холодный серый дом и пыльный тополь
Под тем окном, где ты увидел свет.

(1989)

Розы в Израиле – цветы практически полевые. Они щедро цветут вдоль шоссежных дорог. Цвели и тогда. «Прилетели, малыш», – подумалось мне. – «Вот долина, где ты растешь, вот розы, вот это – твои будущие сны...»

Я впервые почувствовала себя дома.

...Мои родители прибыли в страну Израиля¹⁶ на ПМЖ¹⁷ 28 декабря 1990, двумя днями позже нашего с Данькой официального развода. Из аэропорта их привез Данька. Отец от двери сразу кинулся к Гуньке: обо мне вообще забыл в своем нетерпении. Когда мы сели за стол, я сказала тост.

– Папа, – сказала я, – когда я была маленькой, сидела у себя в комнате, и меня звали, например, ужинать, я все отвечала «сейчас, сейчас», помнишь? Когда я, наконец, выходила, ты смотрел на меня сердито, и язвительно говорил: «О! Явилась! И года не прошло!!!»

Я сделала паузу.

– Так вот, дорогие родители. И года не прошло!!!! И за это я хочу выпить.

...Мои родители ни разу не пожалели, что покинули Россию. Я точно знаю, потому что случайно подслушала их разговор друг с другом. Огромное облегчение снизошло тогда в мою душу.

...А вот Данька, в большой степени волей которого мы с Гуней приросли к этой земле, улетел за океан. Все-таки, наверное, я ступила тогда чуточку раньше на бетонное взлетное поле... Более крепкий корень отрос от моей поспешной ноги... Правда, питу со швармой и чипсами я ем теперь только, если нечего есть совсем. И даже в этом случае предпочитаю не питу, а лафу¹⁸. И не с чипсами, а с жареными баклажанами. И чтобы много хумуса. Чтобы очень много хумуса.

(март 2005)

---

¹⁶ Именно так правильно называется страна: *медина́т Исраэ́ль*, то есть, государство Израиля. Израиль – это еврейский народ. Государство еврейского народа.

¹⁷ постоянное место жительства

¹⁸ Иракская пита – похожа на тонкий лаваш, в который заворачивают начинку.

Неумелые ангелы Попытка сценария

Барух (Берка) Л*иц был купцом первой гильдии, почетным гражданином города Новгород-Северского на черниговщине. Говорили, что, помимо «заводов, газет, пароходов»¹⁹, он владел даже наделом земли в Палестине. У него был один сын – Израиль, и четыре дочери, одна другой краше: Роза, Хана, Софа и Элька. Темно-рыжая, белолицая Элька – меньшая в этом цветнике – была 1909 года рождения. Она даже не успела толком поучиться в гимназии, хотя прекрасное домашнее образование давало себя знать до самого конца ее жизни.

Году так, примерно, в 1925 Элька Берковна Л*иц решительно шагнула навстречу новой жизни – и порвала с буржуазной семьей, ее породившей, и чудом уцелевшей. Синеблузница²⁰ и член евсекции²¹, пламенная комсомолка, потом – дисциплинированный коммунист... К моменту знакомства с женихом она была уже «Оличка»: Элька Берковна ненавязчиво превратилась в Ольгу Борисовну.

Муля (Самуил) М*ов был старше Олички на семь лет. У этого красивого и тихого кудрявого юноши не было кисти правой руки. Обычно, когда его начинали расспрашивать, предполагая геройские подвиги Гражданской, он скромно, не входя в подробности, отвечал, что ранили его в Красной Армии, но в первом же бою, поэтому повоевать и совершить что-нибудь славное ему так и не довелось.

Муля лгал – он лгал из осторожности. Руку ему, шестнадцатилетнему, отрубил пьяный петлюровец во время глуховского²² еврейского погрома в 1918 году²³.

---

¹⁹ Цитата из поэмы С. Маршака «Мистер Твистер»

²⁰ «Синяя блуза» – советский агитационный эстрадный театральный коллектив, отражавший самые различные темы: от общеполитических и международных до мелочей быта; новое революционное массовое искусство. Существовал с начала 20-х до 1933 года.

²¹ Еврейская секция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), – название еврейских коммунистических секций РКП (б), созданных в советское время наряду с другими национальными секциями.

²² Глухов – город областного значения в Сумской области Украины

²³ Еврейские погромы в период Гражданской войны в России совершались в 1918—1922 годах украинскими националистами (армия Петлюры), формированиями «зелёных», белогвардейцами и частями Красной армии.

Самуил Соломонович М*ов был из семьи небогатой. Отец его держал в Глухове дровяной склад. У Самуила было два брата – Саул и Герц, – и младшая любимая сестра Рива.

Рива-то знала, что и как случилось с рукой брата. От нее узнала и Оличка, очень с ней подружившаяся. Но дальше это знание не пошло. Потомки Мули и Олички узнали правду только в период горбачевской перестройки, когда старики давным-давно уже покинули наш суетный мир.

Рива дожила.

Муля и Оличка поженились в 1931 году, уже в Ленинграде. В 1932 у них родилась дочка Инна, а в 1940 – лопухий мальчик Толик. Оличка расцвела, превратилась в настоящую красавицу. Ее рисовали художники – и на этих портретах видна личность: твердая, бескомпромиссная и щепетильная. Муля был тихий болезненный человек, язвенник и сердечник. Лево́й своей единственной рукой он управлялся превосходно, завязывал шнурки и варил себе по утрам манную кашу. Он обожал жену, не сводил с нее глаз, слушался ее всегда и во всем.

Потом случилась война.

В 1941 году Оличка с детьми отправилась в эвакуацию. Они ехали много суток, под бомбами, мамы поили детей болотной водой, процеженной через марлю. Муля остался работать в Ленинграде. В том далеком сибирском селе, где волею случая оказалась Оличка, правильно оценили ее характер и репутацию. Мать двоих малолетних детей работала полтора года председателем колхоза. В блокадном Ленинграде, где уже ели павших лошадей и трупы, язвенник Муля поимел разрыв желудка. Его вывезли из города по Дороге Жизни – по льду Ладожского озера.

Послевоенная жизнь этой семьи почти утратила романтику. В 1951 году мальчик Толик уронил на пол домашний бюст товарища Сталина, и отбил бюсту нос. Семья оказалась в ужасном положении: бюст без носа в доме был пропуском хозяев на тот свет, выброшенный же бюст без носа был, наверное, двумя такими пропусками. Глухой осенней ночью пламенная синеглазница Оличка пешком – пешком! – выбиралась за город с Васильевского Острова. В сумке у нее, завернутые в десяток газет, качались отдельно – товарищ Сталин и отдельно – его нос. Ужасные улики были закопаны в гнилую землю пригородных болот.

Муля работал главным бухгалтером небольшой сапожной фабрики. Оличка работала в исполкоме, в госбанке и в архивах. Ее, с официально оконченными семью классами, отличала исключительная аккуратность и грамотность. Как следствие блестящего домашнего обучения. Кроме того, она умела молчать. Многие годы Оличка, сохраняя верность идеалам своей коммуна́рской юности, блюла аскетизм даже в самых дорогих сердцу красивой женщины мелочах: она не пользовалась косметикой. Темно-рыжие роскошные оличкины волосы начали сесть, когда хозяйке едва перевалило за двадцать. В среднем возрасте Оличка стала белая-белая, ее обрамляющие молодое яркое лицо волосы обрели тот самый цвет, который называется «седой, как лунь»²⁴ – серебристо-белый и ровный, без всякой пегости.

---

²⁴ Лунь – хищная птица семейства ястребиных. Некоторые виды луней окрашены в голубовато-пепельно-серые цвета, так что издали на полете кажутся белёсыми. Именно с птицей, а не с луней, как думают некоторые, и сравнивают поседевшего, белоголового человека.

В отличие от Самуила, который растерял связи с семьями братьев, осевшими где-то на Украине или погибшими там в войну (любимая Рива не в счет, с ней связь сохранялась всегда), Оличка поддерживала письменную связь с сестрами – с Москвой, Горьким²⁵ и Душанбе. Интересно, что никто из этих коммунарок не общался с братом, Израилем. Как впоследствии пытался объяснить старший сын Софы, один из создателей знаменитых кораблей на подводных крыльях²⁶, – потому что Израиль, мол, женился на русской, а семья в те годы была к этому не готова.

Поразительно: как это совмещалось у них в каждой одной отдельно взятой голове? Чтобы мировая революция, и коммунистическое будущее, – и тут же древнее, почти подсознательное, страшное табу: жениться – только на «своих»! С десятилетиями табу слабело, но в какой-то части последнего советского поколения продержалось-таки до конца.

Оличка воспитывала своих детей достаточно жестко. Может быть, поэтому личная жизнь Инны – она стала учителем географии – никак не клеилась. Один муж ее оставил, второго она оставила сама – он разводил пчел и коз в городской квартире. Оба мужа не были евреями. Тут у Олички что-то не получилось. Инну Самуиловну, стеснявшуюся отчества, в школе называли Инна Семеновна.

Кроме того, как выяснилось, Инна не могла иметь детей – сказалось военное детство.

Толик окончил электротехнический техникум. Он был мальчик очень способный, но ленивый и невозможно хулиганистый. Характером в самую Оличку, а не в мягкого отца, – ох, как трудно оказалось Ольге Борисовне ладить с ним! Призванный в армию, Толик оказался где-то под Красноярском, и как раз попал в недобрый час испытаний химического оружия на секретном соседнем полигоне. Комиссованный²⁷ вместе со всем своим подразделением на полгода раньше срока, Толик привез районному военкому запечатанное страшными печатями письмо, содержание которого навсегда осталось для него тайной. В семье подозревали, что партийная принцесса Оличка по своим каналам узнала содержание запечатанного конверта. Но если даже это было и так – Оличка унесла эту тайну с собой в могилу.

И тут, после всех этих *царот*²⁸, – без преувеличения – счастье привалило. Толик привел невесту. Прелестную девочку Женечку. Юную, тоненькую, большеглазую. В своей мягкости принципиальную, как сама Оличка. Студентку-отличницу. С папой-фронтовиком, подполковником-медиком, и мамой – санитарным врачом. Еврейку!!

«Ну, как вам наша Женечка?» – гордо спрашивала Ольга Борисовна гостей на свадьбе в декабре 1963 года.

А в 1965 году мир изменился окончательно. Женечка родила дочку. Это маленькое, глазастое, очень болезненное и смышленное существо перевернуло вселенную для Ольги Борисовны и Самуила Соломоновича. Беря кроху на руки, жесткая Оличка теряла характер. И это было новое, еще неизвестное счастье.

Для тех, кто не догадался, как ее называли, будем называть ее пока что Внучкой.

---

²⁵ сейчас – Нижний Новгород

²⁶ «Ракета», первое советское пассажирское судно на подводных крыльях, вступило в эксплуатацию в 1957 году. Выпуск был начат на заводе «Красное Сормово» в Горьком (сейчас Нижний Новгород).

²⁷ то есть, демобилизованный по решению медицинской комиссии

²⁸ невзгоды, неприятности (иврит)

Оличка, не задумываясь, вышла на пенсию – чтобы вырастить и выходить девочку.

Когда Внучка была совсем малышкой, ей иногда снился страшный сон про дедулину руку – Муля не носил протезов. Во сне дедуля вытягивал культю, с болтающимся на ней рукавом, перед собой, она начинала раздуваться, превращаясь в огромный серый шар, наконец, шар лопался – и из него вылетал трехголовый Змей-Горыныч...

Первый инфаркт случился у Мули, когда Внучке было пять лет.

А когда Внучке было семь лет, оличкина дочь Инна заболела рассеянным склерозом²⁹. Еще семь лет Оличка боролась за нее. Она сняла вместе с Инной комнату, оставив Внучку на попечение Мули. Не вынеся этой разлуки – час езды друг от друга – Муля вскоре страшно и окончательно заболел сердцем. Полгода он умирал, сидя синий в больничных подушках, – Оличка металась между мужем и дочерью, – дрожа, задыхаясь и плача от слабости. После его смерти Инна добавила к рассеянному склерозу рак, и пережила отца всего на полтора года. В день ее смерти Оличка не проронила ни слезинки.

Оличка так и не стала старушкой. Маленькая, скромно, но безупречно одетая, Старая Дама в черном берете, из-под которого выглядывали идеально чистые, аккуратно подстриженные, легкие-легкие серебряные волосы, она четко печатала бисерный шаг, и перед ее сухим взглядом расступались люди и раздвигались ветки. И никто не подозревал, что едва заметный налет темной, красиво оттеняющей белизну волос, помады на губах – первой косметики подрастающей внучки! – впервые занял свое место на этом лице едва ли месяц назад. Принципиальная Оличка только в последние годы жизни сдала этот бастион.

Внучка было очень на нее похожа. Она была так страшно похожа на Оличку, что та боялась – как бы Внучке не досталось и оличкиной судьбы...

Она попыталась уговорить Толика с давно и успешно делающей карьеру Женечкой родить второго ребенка. Те – им было уже хорошо за тридцать – не рискнули.

В последние два года жизни Оличка молилась Б-гу, в которого не верила, чтобы он избавил ее и близких от тех невыносимых и нескончаемых страданий, в которых уходили ее муж и дочь. Еврейский Б-г принял ее молитву. Оличка болела всего неделю, она болела – слегка. Она так и не научилась глотать таблетки – брала их в рот, наливала в рот воду, запрокидывала голову, и держала ее так, ожидая, пока таблетки провалятся сами. Она лежала дома и читала что-то легкое, и к ней забегала Внучка со своими подростковыми глупостями. И через неделю, отправленная в больницу исключительно по сверхъестественной добросовестности молодого участкового, в одну секунду покинула этот мир – от обширного инфаркта – с улыбкой на устах, пять минут спустя после ухода из больницы Женечки. О ее смерти, как было вполне принято тогда в России, семье не сообщили, и Толик выяснил, что мамы нет в живых, только когда на следующий день обнаружил в ее кровати другого человека.

Через месяц после оличкиной смерти все три урны – верных безбожников кремировали – захоронили рядом. Это был холодный ноябрьский день с пробирающим до костей ветром. Толик, Женечка и Внучка – ей было тогда пятнадцать лет – втроем, если не считать могильщика, среди кладбищенской пустоты, стояли вокруг крохотного клочка чуть разрытой земли,

---

²⁹ Хроническое аутоиммунное заболевание, при котором поражается миелиновая оболочка нервных волокон головного и спинного мозга.

и каждый прижимал к груди одну урну. Это были равные команды – трое живых и трое мертвых, вой ветра и стук лопаты о ледяные комья. Внучке достался дед, она приоткрыла крышку урны и с удивлением смотрела на катышки жирного серого пепла в открытом сверху полиэтиленовом мешке...

Рива, сестра Мули, пережила Оличку на двадцать лет. Она еще увидела много неожиданного.

Оличкина Внучка, правнучка богобоязненного еврея Баруха Л*ица, пережив-таки и испытал многое из положенных ей наследных болей, неожиданно оказалась националисткой и сионисткой. Это было в чистом виде то чудо, которое давно описано под названием «Чудо Возрождения Советского Еврейства». Она уехала в Израиль и утащила за собой всю семью. Может быть, сама того не зная, она каждый день топчет кусок земли, купленный сто лет назад для нее прадедом. Возможно, поэтому она так остро чувствует эту землю – своей.

В иерусалимском доме Толика и Женечки висят два портрета, вложенные в одну раму. Еще кудрявый молодой Муля смотрит на изысканную красавицу Оличку, а Оличка строго смотрит в другую сторону. (Сначала портреты случайно вложили наоборот, но Внучка сразу сказала, что получилось неправдоподобно.) В этот дом иногда наезжает шумная толпа из Ашкелона – многочисленное ривино потомство.

Девочку, рожденную Внучкой в первом браке, зовут не Оличкой, но – немного созвучно. Эта девочка – ей сейчас четырнадцать лет – совсем не похожа на свою мать, но светлыми глазами немного напоминает Оличку, и, точно так же, как никогда не виденная ею прабабушка, не умеет глотать таблетки: кладет их в рот, наливает в рот воду, запрокидывает голову и ждет, когда само провалится.

А совсем маленькая еще девочка, рожденная Внучкой во втором браке и с трудом вырванная у небытия, потеряла пальчики на левой руке. Малышкин отец – как ни удивительно – почему-то слегка похож лицом на Мулю М*ов, а сама малышка очень похожа на своего отца. Мама иногда тихонько рассказывает ей сказку, которую малышка еще не понимает: как мама превратила ее в девочку из маленького дракончика, а одна ручка не превратилась... может, вспоминает Змея Горыныча, который пугал ее во сне, вылетая из дедовой культуры?...

Наверное, так ангелы-хранители – неумелые ангелы, обожженные огнем советского крематория и замороженные ледяным камнем приневской земли – обозначают каждый своего подопечного.

(октябрь 2003)

Травы и призраки местечка При

«Лектор:

– Есть много языков, в которых двойное отрицание означает утверждение. Но нет ни одного языка, в котором двойное утверждение означало бы отрицание...

Скептический голос из зала:

– Ну да,... конечно...!»

(анекдот)

Возвращаясь в место, побеждаешь его. Утверждаешь власть. Становишься хозяином положения. Хочу – приду, приеду, встретимся. Не хочу – уеду, и долго не появлюсь. Потом жизнь принесет, ну что ж, здравствуй, Питер. Радуйся, Прага. Привет тебе, солнечный Эйлат. Святой Иерусалим, здорово, я не видела тебя целый месяц, это хорошо, что ты меня не забыл...

А в тех местах, куда больше не вернешься, спрятана твоя настоящая смерть.

...Давно-давно, очень давно, девятилетней, умерла и я в желтой траве возле темно-синего финского озера. Нет меня там и теперь, и невозможно узнать, по-прежнему ли треплет ветер поляны фиолетовых колокольчиков, и упал ли наконец в высокий клевер покосившийся красно-белый транспарант на берегу квадратного луга, да и что было написано на этом транспаранте, тоже уже никто никогда не узнает.

Это мир, в котором меня нет. Мучительно существующий мир. Там всегда раннее лето, там отцветает шиповник и жмутся у сосновых корней фиалки, там короткая утренняя буря поднимает темную воду в пенные гребешки, – я знаю! – там вдоль длинного забора ходит птица угод с желтым клювом и сердито кричит на шмеля...

И только меня там нет уже тридцать лет. Скорее всего, я умерла там, в сухой высокой траве, из которой так хорошо гляделось в небо, и осталась в траве, и стала травой... И все остальное, что иногда кажется прожитой жизнью, просто привиделось мне перед последним сном на голубом небесном экране. Вот сейчас я закрою глаза, прислушаюсь, и, возможно, услышу сердитого шмеля над розовым клевером...

Я туда никогда не вернусь. Нельзя вернуться в посмертие.

Зато я помню сон, считающийся правдой, про то, как уезжала оттуда по просторной дороге в последожевой закат. И как стояли над дорогой – одна над другой, одна в другой, –

две огромные радуги, два огромных обещания счастья, тех самых два утверждения, которые никогда не превращаются в отрицание – ну да... конечно....

(январь 2005)

Селедка

По ночам я ела селедку. У нас дома всегда была селедка: папа без нее полдня прожить не может. И вот, когда я, часам к двум ночи, распрощавшись в подъезде часа за полтора с очередным страстным провожатальщиком, тихохонько вползала в кухню...

Кухня.

Блин, так я собьюсь.

Ну и черт с ним.

Кухня.

Стол-то был еще белый тогда, с черным ободком. Деревянный появился позже, когда я уж замуж выскочила. Белый стол с серыми прожилками на нежно-гладкой пластиковой крышке, и скругленные черные уголки. И возле стола, по обе стороны, зеленые прямоугольные, грубо сколоченные где-нибудь в палеозое, табуретки. Три белые с черным табуретки, прилагавшиеся к столу, тоже в кухне стояли, но они не котировались: у зеленых внизу была планочка для ног.

Когда еще были живы дед и бабушка, за этим столом по вечерам играли в джокер³⁰. Как раз хватало пяти табуреток: меня научили играть в джокер, когда мне еще семи не было. Мама иногда вздыхала по-комсомольски, переживая за такой жуткий разврат. Двумя колодами, глянцевыми, хрустящими, с красавицами и рыцарями, с прибаутками. Первый взнос был дома 40, не 30, как я вижу сейчас, натываясь на похожие игры в сети. Я любила. Правда, долго не выжила, как и остальные дамы – убегали делать разные другие дела. Оставшись тет-а-тет, дед с отцом часто затягивали дуэль до полуночи. Мама в ужасе шептала, что нехорошо при ребенке играть на деньги, но дуэлянты не внимали: отец как раз яростно отыгрывал у деда семьдесят шестую копейку.

Думаю, детство в голове любого состоит не из слов и понятий, а из картинок большей или меньшей яркости и подробности, сильно эмоционально окрашенных. Вот это как раз очень яркая и уютная по ощущению картинка у меня в голове. У буфета дед, в чем-то домашнем, всегда сером, карты не торчат из руки веером, а лежат на столе рубашкой вверх, прижатые пустым рукавом: у деда не было правой кисти, и он, раздумывая над ходом, всегда приподнимал карты, характерным жестом, чтобы в них заглянуть. Ему часто покупали и дарили специальные подставки под карты, но они не приживались. Напротив него папа, молодой, в белой

---

³⁰ карточная игра

майке поверх треников, с ярко-черными, еще жесткими, волосами вокруг небольшой проплешины на макушке, посмеивающийся, с вечной сигаретой без фильтра в руке – «Солнце» это было, или «Шипка»³¹

---

³¹ Марки болгарских сигарет без фильтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.